

Как Максим Горький начал свою литературную работу

Во время своего пребывания летом 1928 г. в Н. Новгороде Алексей Максимович принял участие в беседе с активом нижегородских рабкоров. Рабкоры задавали ему вопросы, на которые он давал подробнейшие ответы и о жизни за границей, и об участии рабкоров в журнале „Наши достижения“; делился своими впечатлениями о пребывании в СССР и т. д.

В числе вопросов был и такой: „скажите Алексей Максимович, как вы начали свою литературную работу?“

Ответом на этот вопрос и является ниже печатаемая выдержка из неопубликованной стенографической записки и ответов М. Горького на происшедшей беседе с рабкорами.

Вас интересует, как я начал литературную работу, я могу сказать, но я не уверен, что именно этот вопрос является наиболее существенным для вас. Если хотите, я расскажу об этом.

Я начну вот с чего. Вам известно, что у меня большая корреспонденция с начинающими писателями. Вот в числе писем, которые я получил, было одно письмо от 15-летней девушки, в котором она писала следующее:

«Несмотря на ранний мой возраст, я чувствую в себе литературный талант, причиной чего считаю бедную жизнь».

Девушке всего 15 лет, это смешно как будто, но на самом деле это серьезная и глубокая мысль, настоящая тайна скрытого творчества.

Если бы у нее был талант, она начала бы писать рассказ романтического характера, в котором она томительно бедную жизнь начала бы раскрашивать яркими красками, точно также, как это сделал Гоголь, который раскрашивал эту томительно бедную жизнь в Миргороде, тот самый Гоголь, который написал столь резко реальные произведения, как «Ревизор» и «Мертвые души».

Если вы продолжите эту линию, то вы увидите, что она приведет к неизбежному стремлению раскрашивать томительно бедную жизнь.

Теперь я сошлюсь на другую корреспонденцию от 19-летнего юноши, в которой он мне пишет: «Я столько пережил, мне пришлось так много испытать, что я не могу не писать».

И если этот парень начнет писать, то он будет писать произведения реалистического характера. Это видно из последующего текста его письма.

Я привел эти обе цитаты, чтобы перейти к вопросу—каким образом я стал писать.

Вам более или менее известно, что я жил не в очень хороших условиях. У меня было два определенных влияния. Прежде всего, томительно бедная жизнь, ее нельзя назвать томительно бедной, но она была очень однообразна. Мещанство наших детей резко отличается от мещанства прошлого. Настоящее мещанство чувствует себя очень непрочно на земле.

Мещанство прошлого чувствовало себя крепко и прочно на земле и им не приходило в голову, что жизнь может быть сдвинута и изменена. Они по субботам мылись в бане, в воскресенье ходили к обедне, потом приходили и ели алады, потом отдыхали, потом пили чай, потом шли гулять, потом опять кушали и играли в карты, иногда ходили в театр.

Но я вместе с тем читал книжки, главным образом, иностранных авторов. Должен сказать, что русские книжки меня не привлекали, например, Помяловский. В 15 лет я уже все знал, что в этих книжках, и везде узнавал людей, которые меня окружали. Например, вот это мой дядя, вот это мой сосед и т. д. и все это люди, которые мне не нравились, которые были отвратительны и враждебны.

Но вот мне в руки попадает другая книжка, в которой рассказывается о клоунах. Я читаю и все переживаю. Мальчишкой я бывал иногда в цирке, но все в нем рассмотреть и узнать я не мог. И вот в этой книжке я читаю о двух братьях клоунах. Один из них сломал себе ногу и лишился наслаждения заниматься своим искусством и играть, но тайком, когда никто не видел, он упражнялся в любимом деле на чердаке.

Я очень хорошо понял переживания и горе этого человека со сломанной ногой. Затем я прочел новеллы Стендаля, затем целый ряд других книг. Все они говорили о совершенно другой жизни, других людях. Вот и случилось, что влияние иностранной литературы вызывало во мне мечтательное настроение, а русская литература гасила это настроение. Однако, литературную деятельность я начал с вещи, которая была совсем не романтического характера и содержания. Все это, видно, было протестом против томительно бедной жизни. Нужно было в некоторой степени оторваться от действительности. Оно мне и понятно: сравнить было с чем.

Вот эти два впечатления: от книг и от знакомства через книги с жизнью Запада и участие в жизни русской у меня и сложились в то настроение, которое позволило мне писать известные вам книги.

Русская литература тем и отличается от литературы Запада, что она представляет собой смешение реализма с романтизмом. Это закон. Должно быть этому закону подчинены все наши писатели. Я не буду говорить о таких гигантах, как Толстой и Достоевский. Люди поменьше, как—Гоголь, Тургенев, они шли таким же путем.

Эта 15-летняя девушка не ошиблась, когда говорила, что томительно бедная жизнь способна вызвать протест против нее и стремление раскрасить ее.